

Позиция стран Балканской Антанты в период переговоров о Восточном пакте (февраль — октябрь 1934)

Советские историки всесторонне исследовали проблему Восточного пакта, за создание которого решительно боролось Советское правительство в 30-е гг. Однако отношение к нему малых капиталистических стран Европы, в частности стран Малой и Балканской Антант, раскрыто еще недостаточно. Политике великих держав на Балканах посвящен ряд работ историков Советского Союза и других социалистических стран¹. В данной статье ставится задача показать позицию государств Балканской Антанты во время переговоров о Восточном пакте в 1934 г., выяснить их отношение к проблеме аншлюса Австрии, к проекту Средиземноморского пакта. Хронологические рамки работы охватывают период от подписания Балканского пакта в феврале 1934 г. до убийства французского министра иностранных дел Барту в октябре 1934 г.

В конце 1933 — начале 1934 гг. обстановка в Центральной и Юго-Восточной Европе все более обострялась. Гитлеровская Германия готовилась к захвату Австрии. Усиление германской и итальянской экспансии в Дунайском бассейне и на Балканах способствовало росту реваншистских настроений в Венгрии и Болгарии.

¹ История второй мировой войны, т. I. М., 1973; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе в 1933—1939 гг. М., 1963; И. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969; Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968; Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964; И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны. Докт. дис. Пермь, 1973; В. К. Волков. Германско-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966; Л. Живкова. Англо-турские отношения. 1933—1939. София, 1971; А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966; E. Campus. Inteligerea Balcanica. Bucuresti, 1972; C. Popisteanu. Romania si Antanta Balcanica. Bucuresti, 1968; E. Campus. Mica Inteligerea. Bucuresti, 1967; J. Jurkiewicz. Pakt Wshodni. Warszawa, 1963; W. Balcerak. Wisity min. Barthou w Bukareszcie i Belgradzie w prasie europejskiej (czerwiec 1934 r.).— Materiały i dokumenty. Studia z dziejow ZSRR i Evropy Srodkowej, t. 8—9. Wroclaw, 1972; L. Deak. Balkanska dohoda a plan Dunajskiego paktu.— “Slovanske Studie”, 1971, № 11.

С целью противодействия германской и итальянской агрессии на Балканах и предотвращения попыток ревизии границ со стороны Болгарии и Венгрии 9 февраля 1934 г. Турция, Греция, Югославия и Румыния подписали в Афинах Балканский пакт. Балканская Антанта, созданная при активном содействии Франции, должна была сохранять территориальное статус-кво на Балканах и была направлена против ревизионистских устремлений Болгарии. Вместе с тем условия пакта предусматривали оказание взаимной помощи в случае, если бы одна из великих держав (подразумевались Италия и Германия) поддержала балканское государство, выдвинувшее территориальные претензии к участникам пакта.

Правящие круги стран Балканской Антанты были далеки от подлинного желания сотрудничать с Советским Союзом в деле обеспечения мира в Европе. Первоначально проект Балканского пакта даже предусматривал гарантию внешних балканских границ, что означало признание захвата Румынией Бессарабии. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов предложил советскому полпреду в Анкаре заявить турецкому правительству, что Балканский пакт «выходит за пределы Балкан и эвентуально гарантирует бессарабскую границу»². Таким образом пакт был направлен и против СССР. По настоянию М. М. Литвинова турецкий министр иностранных дел Т. Рюштю-бей 9 февраля 1934 г. сделал письменное заявление, что «ни в коем случае Турция не будет обязана принимать участие в каком-либо действии против СССР»³.

По замыслам французских дипломатов Балканский пакт должен был дополнять Малую Антанту и вместе с ней способствовать усилению французского влияния на Балканах. Однако участие Румынии и Югославии в пакте угрожало изоляцией Чехословакии⁴. Румыния и Югославия могли договориться с Германией, и это привело бы к развалу Малой Антанты. Кроме того, под давлением Англии, стремившейся ослабить французскую систему союзов и проводившей политику сговора с Германией за счет Австрии и Чехословакии, Румыния и Югославия могли пойти на укрепление связей с Турцией и Грецией и тем самым оставить Чехословакию один на один с Германией, Венгрией и Польшей⁵. На опасность изоляции Чехословакии в Малой Антанте указывал французский посланник в Праге Ноэль в донесении министру иностранных дел Барту: «Югославия и Румыния не стремятся сохранить в Афинском пакте в полном объеме свои соглашения с Чехословакией» и общей чертой Малой и Балканской Антант является только их противодействие «ревизии территориальных статей мирных договоров»⁶.

² ДВП СССР, т. 17. М., 1971, с. 767, прим. 17.

³ Там же, с. 130.

⁴ Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. М., 1959, с. 321.

⁵ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны, с. 87.

⁶ DDF, ser. 1, t. 6, N 99, p. 253.

В течение 1934—1935 гг. в Малой и Балканской Антантах преобладало французское влияние, но уже тогда давали о себе знать первые признаки деятельности центробежных сил. Острая борьба вокруг ратификации Балканского пакта развернулась в Греции, где буржуазная оппозиция, опасавшаяся обострения отношений с Италией, подвергла резкой критике пакт. В конце февраля — начале марта 1934 г. в Афинах состоялась конференция лидеров буржуазных партий. Лидер оппозиционной либеральной партии Венизелос заявил, что Балканский пакт может вовлечь Грецию в войну против Италии, так как Греция берет на себя обязательство оказывать Югославии военную помощь, если последняя подвергнется нападению Италии через Албанию. Венизелос потребовал, чтобы Греция сделала заявление о своем отказе от военных действий против Италии⁷. В беседе с советским полпредом в Афинах Я. Х. Давтяном 22 февраля 1934 г. Венизелос указывал на то, что Балканский пакт «представляет громадную опасность для Греции, угрожая вовлечь ее в различные конфликты с Италией, СССР, Венгрией». Он заявил, что «не допустит ратификации пакта, если не удастся обезвредить его дополнительными декларациями»⁸.

Правительственная же печать Греции (газеты «Проя», «Катимерини»), со своей стороны, критиковала венизелистов, возмущаясь тем, что Венизелос вел переговоры с послами других государств⁹. При этом греческая пресса распространяла слухи об одобрении Советским Союзом Балканского пакта. По поручению М. М. Литвинова Я. Х. Давтян заявил греческому министру иностранных дел Максимосу: «...отношение Советского правительства к пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, то это не значит, что мы его одобряем... Мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов всеобщего мира и умиротворения Балкан»¹⁰. 27 февраля полпред СССР информировал Максимоса о своем разговоре с Венизелосом и отметил, что беседа носила самый общий характер и была вызвана желанием Венизелоса познакомиться с советской точкой зрения¹¹.

Давление на греческую буржуазную оппозицию оказал румынский министр иностранных дел Титулеску, находившийся в Афинах до 15 февраля 1934 г. Будучи одним из самых активных создателей Балканского пакта, Титулеску был заинтересован в скорейшей его ратификации. По замыслу Титулеску, участие Румынии в Малой и Балканской Антантах, являвшихся составной частью французской системы союзов, должно было обеспечить безопасность румынских границ. Особую тревогу вызывала у Титулеску

⁷ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 14, п. 2.

⁸ ДВП СССР, т. 17, прил. 12, с. 782.

⁹ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 14, п. 2.

¹⁰ ДВП СССР, т. 17, № 56, с. 146.

¹¹ Там же, № 70, с. 166—167.

опасность агрессии со стороны гитлеровской Германии и фашистской Италии, рост реваншизма в Венгрии и Болгарии.

Являясь верным защитником интересов румынских буржуазно-помещичьих правящих кругов и ориентируясь на Францию, Титулеску настойчиво стремился укрепить Версальскую систему и пытался добиться признания Советским Союзом захвата Румынией Бессарабии. Вместе с тем будучи противником фашизма и сторонником буржуазного парламентаризма, Титулеску активно поддержал усилия Советского правительства, направленные на создание системы коллективной безопасности в Европе.

В беседе с советским полпредом в Афинах в середине февраля 1934 г. Титулеску признал, что он был инициатором «Организационного пакта» Малой Антанты, подписанного в феврале 1933 г.¹² Этот пакт обязывал страны Малой Антанты не заключать политических и экономических соглашений с другими странами без согласия всех членов Малой Антанты. Добиваясь координации внешней политики Малой Антанты, Титулеску в то время стремился помешать Чехословакии установить дипломатические отношения с СССР без согласования этого акта с Румынией. Титулеску заявил Давтяну, что тогда он боялся СССР и поэтому «провалил Женевское соглашение с Кадерой». По словам Давтяна, Титулеску начал «ругать политику Италии, особенно в Венгрии и Болгарии».

Он указал на усиление «германо-итальянской пропаганды» в Румынии и подчеркнул, что она направлена и против него, Титулеску. Он заявил Давтяну, что стремится поскорее урегулировать советско-румынские отношения. В ответ Давтян заявил, что Советский Союз стремится установить с Румынией «не только формальные, но и дружеские отношения»¹³.

Касаясь Балканского пакта, Титулеску начал расписывать его прелести и ругать греческую оппозицию за противодействие пакту. Он подчеркнул, что для Румынии пакт «имеет значение именно в отношении Болгарии, ибо со стороны Венгрии она прикрыта Малой Антантой»¹⁴. Титулеску настаивал на скорейшей ратификации пакта Грецией. Французский посланник в Афинах Тьерри докладывал в Париж, что Титулеску, являвшийся «главным творцом» Балканского пакта, «лично установил контакт со всеми лидерами оппозиции и пытался сломить враждебность Венизелоса»¹⁵. 6 марта 1934 г. греческое правительство заявило, что Греция ни при каких обстоятельствах не будет участвовать в войне против небалканской державы¹⁶. В тот же день Максимос передал декларацию посланникам Турции, Румынии и Югославии в Афи-

¹² ДВП СССР, т. 17, с. 147.

¹³ Там же, с. 148—149.

¹⁴ ДВП СССР, т. 17, с. 148—149.

¹⁵ DDF, ser. 1, t. 6, N 394, p. 729.

¹⁶ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок; 1934, д. 14, п. 2.

нах¹⁷. 2 апреля греческий парламент ратифицировал Балканский пакт.

Подписание Балканского пакта было благожелательно встречено в Турции. Однако некоторые турецкие политические деятели считали, что Турция взяла на себя больше обязательств, чем ее партнеры по пакту, и добилась меньших успехов в обеспечении своей безопасности¹⁸. Борьба в Греции вокруг ратификации Балканского пакта вызывала беспокойство в Турции и Югославии. В апреле 1934 г. состоялся визит в Анкару югославского министра иностранных дел Ефтича с целью подтверждения «прочности» Балканского пакта. В мае Анкару посетил военный министр Греции Кондилис для укрепления греко-турецких отношений, поколебленных в период ратификации пакта. В результате визита было решено расширить греко-турецкое военное сотрудничество. Обе стороны признали необходимым отменить демилитаризацию Фракийской зоны, а также предоставить Турции право закрыть Проливы в случае войны. Оба этих вопроса было решено поставить в Лиге наций¹⁹.

В годы мирового экономического кризиса (1929—1933) в Турции кемалисты еще больше сблизилась с компрадорской буржуазией. Проявлением этого процесса были уступки, сделанные западному капиталу турецким правительством. На изменение позиции Турции в 30-е гг. большое влияние оказала английская дипломатия²⁰. Ликвидация спора из-за Мосула в 1926 г. положила начало процессу сближения с Англией. После принятия в 1932 г. Турции в Лигу наций в стране усилилась деятельность той части буржуазии, которая выступала за отход Турции от политики сотрудничества с СССР и за более определенную ориентацию на западные державы²¹.

Обострением итало-турецких отношений воспользовались гитлеровцы и японские империалисты, стремясь укрепить свои позиции в Турции и разорвать ее дружеские отношения с СССР. В марте 1934 г. Япония предложила Турции построить для нее на японских верфях 2 крейсера, 4 миноносца и 4 подводные лодки. Газета биржевых и финансовых кругов Франции «Ажанс экономик э финансиер» сообщала, что Япония обещала предоставить Турции заем в 100 млн. долл., из которых 80% будут израсходованы в самой Японии.

Японская фирма хотела получить концессию на 100 тыс. акров в Анатолии под хлопковые плантации. 12 апреля в Стамбул прибыла японская военная эскадра в составе двух кораблей под коман-

¹⁷ DDF, ser. 1, t. 6, N 464, p. 871.

¹⁸ З. Мичева. Балканският пакт и българо-югославските отношения (1933—1934). — «Исторически преглед», 1971, № 4, с. 25.

¹⁹ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 7, п. 1 (Турция. Внешняя политика).

²⁰ Л. Живкова. Англо-турските отношения. 1933—1939, с. 21—22.

²¹ А. Ф. Миллер. Краткая история Турции. М., 1948, с. 164.

дованием адмирала Маусита, который был принят военным министром, премьер-министром и президентом²².

Все это осложняло советско-турецкие отношения, хотя турецкое правительство неоднократно заверяло советских дипломатов в верности дружбе с СССР. В беседе с советским поверенным в делах в Турции Залкиндом Рюштю-бей подтвердил, что японские коммерческие круги предложили Турции кредит на 10—20 лет для закупки японской продукции, в том числе и судов. Рюштю-бей заверил Залкинду, что турецкое правительство отклонило это предложение. Советский дипломат заявил, что он не может признать это предложение чисто коммерческим и видит в нем «политическую подоплеку», а именно намерение Японии «подкапываться под советско-турецкие отношения»²³.

Процесс отхода Турции от дружбы с СССР был длительным, и до 1936 г. она проводила в отношении Советского Союза в основном политику дружбы и сотрудничества²⁴.

В начале 30-х гг. фашистская Италия усилила свою агрессивную политику на Балканах и претендовала на превращение Средиземного моря в «закрытое итальянское озеро». Агрессивные планы Италии угрожали национальным интересам Турции и явились одной из причин участия Турции в Балканском пакте. В беседе с советским полпредом в Анкаре Я. З. Сурицем в начале 1934 г. Исмет-паша подчеркнул, что «по двум основным проблемам — проблеме ревизионизма и проблеме разоружения — у Турции намечаются сильнейшее расхождение с германо-итальянской группировкой и точки соприкосновения с борющейся с ней французской»²⁵. По его словам, «давление Италии чувствуется на каждом шагу», особенно в ее отношениях с Болгарией, «на которую Италия... сейчас делает основную ставку». Турецкий премьер-министр отметил, что германо-польский пакт 1934 г. «вносит новую трещину во французскую союзную систему». Такие же попытки Германия предпринимает в отношении Румынии, где «влияние фашистских идей за последнее время чрезвычайно выросло». По мнению Исмет-паши, германское влияние в Румынии и отчасти в Югославии «развивается на фоне все усиливающейся германской экономической активности»²⁶.

Подписание Турцией Балканского пакта улучшало турецко-французские отношения. В беседе с французским посланником в Белграде Наджиаром турецкий министр иностранных дел Рюштю-бей подчеркивал, что с подписанием пакта Турция связана с «двумя союзниками Франции, и в то время как отношения между Парижем и Москвой становятся все более тесными, дружба турок

²² ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 7а.

²³ ДВП СССР, т. 17, № 282, с. 519.

²⁴ А. Ф. Миллер. Краткая история Турции, с. 173.

²⁵ ДВП СССР, т. 17, с. 13—14.

²⁶ ДВП СССР, т. 17, с. 16—17.

с французами является почти новым союзом»²⁷. Рюшту-бей указывал французскому послу в Анкаре, что Малая и Балканская Антанты «препятствуют пути Германии как к аншлюсу, так и на Восток»²⁸.

Однако турецкое правительство стремилось использовать Балканскую Антанту лишь против Италии и не собиралось препятствовать германской агрессии против Австрии. Исмет-паша заявил советскому дипломату Залкинду, что СССР не должен возражать против аншлюса Австрии, так как в результате аншлюса Германия «завязнет в европейских делах, обострит свои отношения с западными державами и это лишит ее возможности устремиться к Востоку». Залкинд отметил, что аншлюс усилит Германию и приведет к ускорению войны, потому что Германия не остановится на достигнутом и будет стремиться к дальнейшей экспансии, в частности на Восток. При этом возможен компромисс между Германией и западными державами, от которого пострадают и страны Юго-Восточной Европы²⁹.

В марте 1934 г. турецкий меджлис ратифицировал Балканский пакт³⁰. Французское правительство приветствовало ратификацию пакта Турцией и одобрило турецкую декларацию в отношении СССР³¹.

В 1933—1934 гг. перед лицом усиливавшейся угрозы со стороны Германии Франция могла рассчитывать только на свои союзы с малыми странами Европы. Однако система французских союзов была явно недостаточна для обеспечения безопасности страны.

Единственной великой европейской державой, готовой всеми средствами бороться за предотвращение германской агрессии, был Советский Союз. В условиях нараставшей угрозы со стороны гитлеровской Германии в декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) разработал идею коллективной безопасности, изложенную в постановлении от 12 декабря 1933 г. Оно предусматривало возможность вступления Советского Союза в Лигу наций и заключения региональных соглашений с широким кругом европейских государств о взаимной помощи³².

Выполняя постановление ЦК ВКП(б), Наркоминдел разработал предложения о создании европейской системы коллективной безопасности, одобренные ЦК 19 декабря 1933 г.³³

Этот проект встретил одобрение французского правительства и получил название Восточного пакта. Во французских правящих кругах шла борьба двух тенденций. Одна часть французской бур-

²⁷ DDF, ser. 1, t. 5, N 375, p. 69.

²⁸ *Ibid.*, p. 69.

²⁹ ДВП СССР, т. 17, с. 348.

³⁰ «Известия», 1934, 9 марта.

³¹ DDF, ser. 1, t. 5, N 474, p. 896.

³² История второй мировой войны, т. 1, с. 283.

³³ ДВП СССР, т. 17, с. 876.

жуазии ясно представляла себе, какой опасностью для Франции является образование очага агрессии в центре Европы, и искала способы оградить свою страну от этой опасности. Выразителями этой тенденции были бывший французский премьер Э. Эррио, министр авиации П. Кот, Ж. Поль-Бонкур и особенно министр иностранных дел Л. Барту.

Барту был представителем той части французской буржуазии, которая считала, что лучшей гарантией против опасности новой войны с Германией является сближение с Советским Союзом. Однако по вине французского правительства переговоры о Восточном пакте, начавшиеся осенью 1933 г., были отложены до апреля 1934 г. Курс на франко-советское сотрудничество натолкнулся на противоположную тенденцию — стремление к антисоветскому сговору с Германией. Часть правящих кругов Франции, особенно представители крупной буржуазии и таких монополий, как «Комитэ де форж», химической и угольной промышленности, с самого начала ориентировались на сговор с Германией. Однако попытка сговора с Гитлером тогда не увенчалась успехом. В феврале 1934 г. во Франции пришло к власти правительство Думерга, в котором пост министра иностранных дел занял Барту, а государственным министром стал Эррио. Прогерманская партия потерпела поражение. На позицию французской буржуазии оказало влияние и положение внутри страны, так как во Франции в 1934 г. влияние народных масс значительно усилилось.

Наличие сторонников сговора с Германией во французских правящих кругах облегчало попытки гитлеровцев сорвать переговоры о Восточном пакте и развалить Малую и Балканскую Антанты. Нацистская дипломатия использовала антисоветские настроения польских правящих кругов и активно подталкивала Польшу на противодействие планам создания в Европе системы коллективной безопасности. 26 января 1934 г. в Берлине была подписана германо-польская декларация «о мире и взаимопонимании»³⁴. Германо-польский пакт нанес удар Восточному пакту и Малой Антанте, к которой в Польше проявлялось неприязненное отношение после одобрения ею франко-советского сближения. Отношение к Малой Антанте было одной из причин, вследствие которых Польша выступила против Балканского пакта³⁵.

Одновременно гитлеровская Германия активизировала подготовку к аншлюсу Австрии и усилила натиск на Балканы. Однако попытки Германии укрепить свои позиции в Австрии наталкивались на противодействие Италии. Фашистская Италия значительно укрепила свое влияние в Австрии, после того как канцлер Дольфус установил в феврале 1934 г. фашистскую диктатуру. В период февральских событий в Австрии итальянские войска были скон-

³⁴ J. Jurkiewicz. Pakt Wshodni, str. 43.

³⁵ Е. Дамянова. Полша, България и междубалканските отношения (1930—1939). — «Исторически преглед», 1974, № 6, с. 25.

центрированы на австрийской границе, чтобы показать Гитлеру, что Италия готова помешать переходу власти в Австрии в руки австрийских нацистов³⁶. Против аншлюса активно выступила Франция. Барту, выступая 2 марта 1934 г. в палате депутатов, заявил, что французское правительство враждебно идее аншлюса и проектам реставрации Габсбургов³⁷.

Угроза аншлюса затрагивала и интересы Югославии. В случае аншлюса Австрии гитлеровцы неизбежно подняли бы вопрос о присоединении к Германии Триеста и Истрии. Однако по ряду конкретных вопросов, касающихся Австрии, у Югославии и Германии были и совпадающие точки зрения: оба государства были противниками усиления влияния Италии в Австрии и выступали против планов реставрации Габсбургов. Югославское правительство рассматривало также на то, что аншлюс обострит противоречия между Римом и Берлином³⁸. Аналогичную позицию по отношению к аншлюсу занимало и румынское правительство. В феврале 1934 г. Титулеску заявил советскому полпреду в Афинах Давтяну, что «аншлюс будет скоро» и Румыния «не будет воевать из-за аншлюса»³⁹.

В 1934 г. усилилась итальянская экспансия в Дунайском бассейне и на Балканах. 17 марта 1934 г. между Италией, Австрией и Венгрией были подписаны три протокола о тесном экономическом и политическом сотрудничестве. Таким образом было завершено создание Римского блока⁴⁰. Французская дипломатия использовала конфликт между Италией и Германией из-за Австрии в своих интересах. Французское правительство стремилось к сближению с Италией в целях совместного сопротивления Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Однако реакция стран Малой и Балканской Антант на создание Римского блока и итало-французское сближение была отрицательной. Правительство Чехословакии видело в «римском треугольнике» попытку оградить Австрию от германского стремления к аншлюсу. Иначе были встречены Римские протоколы в Румынии и особенно в Югославии. Румынское правительство видело в них стремление Италии вызвать обострение отношений между Венгрией, с одной стороны, и странами Малой Антанты, с другой.

В правящих кругах Румынии шла борьба вокруг внешнеполитического курса страны. Противники сближения с СССР стремились накалить обстановку вокруг вопроса об установлении дипломатических отношений с СССР. Реакционные и профашистские круги требовали переориентации внешней политики Румынии, отказа от союза с Францией и Чехословакией и тесного сотрудниче-

³⁶ «Известия», 1934, 16 февраля.

³⁷ «Известия», 1934, 4 марта.

³⁸ В. К. Волков. Германо-югославские отношения..., с. 36.

³⁹ ДВП СССР, т. 17, с. 148.

⁴⁰ В. И. Шихов. Первые римские протоколы. — В сб. Международные отношения в новейшее время, ч. 1. Свердловск, 1966.

ства с Германией. Эти тенденции поддерживали крупные румынские аграрии, заинтересованные в сбыте продукции на германском рынке, часть промышленников, связанных с германскими монополиями, некоторые круги военных. Гитлеровской агентурой в Румынии являлись фашистские и полуфашистские организации — «Железная гвардия», «Лига национал-христианской защиты» и нацистские организации немецкого меньшинства.

Свидетельством острой борьбы между буржуазными партиями и группами в Румынии было убийство легионерами 31 декабря 1933 г. премьер-министра Дуки — активного сторонника союза с Францией. Рупор нацистской партии «Фелькишер беобахтер» открыто солидаризировался с убийцами Дуки. При этом обозреватель газеты проявил поразительную осведомленность относительно мотивов убийства. «Пули, попавшие в премьер-министра, — писал автор, — были предназначены не лично Дуке, а руководителю либеральной партии. Они были предназначены Франции»⁴¹. Польский посланник в Москве Лукасевич указывал в начале 1934 г., что «германофильские гитлеровские тенденции весьма усилились в Румынии» и с победой фашизма в Австрии «создается антисоветская опасность с операционной линией через Бухарест»⁴². В беседе с временным поверенным в делах СССР во Франции М. И. Розенбергом в апреле 1934 г. Титулеску указал на активизацию фашистов в Румынии, отметив, что «Италия много пакостит». В формированиях «Железной гвардии», по его мнению, «на 80% сказывается итальянское и лишь на 20% немецкое влияние». Титулеску, по выражению Розенберга, «лягнул» румынского короля, заявив, что Кароль II является как-никак Гогенцоллером, что от этого факта никуда не уйдешь, поэтому от него ждать особого сопротивления германскому влиянию нельзя⁴³.

Титулеску показал Розенбергу документ с постановлением о необходимости восстановления дипломатических отношений с СССР, принятый на конференции Малой Антанты в Загребе в январе 1934 г., и подчеркнул, что резолюция была внесена им⁴⁴.

Тем не менее французское влияние в Румынии было еще преобладающим, а в экономике страны, прежде всего в нефтяной промышленности, первое место занимал капитал западных держав⁴⁵. Ведущие буржуазно-помещичьи партии — национал-либеральная во главе с Д. Братиану и национал-царанистская во главе с Ю. Маниу придерживались профранцузской ориентации⁴⁶. В беседе с французским посланником в Бухаресте Ормессоном в марте

⁴¹ "Völkischer Beobachter", 8.I.1934.

⁴² Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. М., 1969, с. 157.

⁴³ ДВП СССР, т. 17, с. 271.

⁴⁴ Там же, с. 274.

⁴⁵ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе, с. 79.

⁴⁶ Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер.

1934 г. Титулеску подчеркнул, что намеченный в апреле визит Барту в Варшаву и Прагу «оживил у него надежду видеть его и в Бухаресте», и выразил пожелание, чтобы «Румыния не была забыта». Титулеску также пожелал, чтобы в ближайшее время румынский король посетил Париж и Лондон, отметив, что после этих визитов Кароль II «будет меньше подвержен влиянию Германии Гитлера и Италии Муссолини»⁴⁷. Но главную цель будущего визита Барту в Бухарест Титулеску видел в «укреплении позиций друзей Франции в Румынии» и в предотвращении установления «королевской диктатуры»⁴⁸.

В ответ Ормессон заявил, что в случае отстранения от власти национал-либеральной и национал-царанистской партий в Румынии будет установлена диктатура, которую возглавят маршал Авереску, Аржетояну и О. Гога. Для французского влияния это будет иметь плачевные последствия. В интересах Франции необходимо укрепить позиции тех румынских кругов, которые рассматриваются как ее друзья. Ормессон считал, что визит Барту в Бухарест должен привести к усилению французского влияния в Румынии⁴⁹.

В апреле 1934 г. Титулеску посетил с официальным визитом Париж. В ходе визита он попытался получить финансовую помощь от Франции для предотвращения государственного банкротства Румынии. Титулеску заверил французское правительство, что его страна в своей внешней политике будет следовать профранцузской ориентации. Одновременно он потребовал, чтобы Франция со своей стороны проводила «ясную политическую линию, особенно по вопросам, затрагивающим жизненные интересы Румынии». Фактически речь шла о том, чтобы Франция в рамках своего сближения с Италией воздерживалась от уступок в пользу ревизии мирных договоров⁵⁰.

Значительное место в беседах Титулеску с Барту, Лебренон, Думергом и другими политическими деятелями Франции занял вопрос об отношениях между Малой Антантой и Советским Союзом. Он связывался с рядом других международных проблем, прежде всего с отношением к проекту Восточного пакта и подготовкой к вступлению СССР в Лигу наций. Угроза агрессии со стороны Германии, Италии и Венгрии вынуждала правительства стран Малой и Балканской Антанты принимать меры по обеспечению своей безопасности. В связи с этим на первый план выдвигался вопрос об отношении к Советскому Союзу, боровшемуся за создание системы коллективной безопасности в Европе. Начавшееся франко-советское сближение и переговоры о Восточном пакте создали для стран Малой Антанты возможность укрепить свою безопасность путем нормализации дипломатических отношений с СССР.

⁴⁷ DDF, ser. 1, t. 6, N 18, p. 47.

⁴⁸ DDF, ser. 1, t. 6, N 18, p. 47.

⁴⁹ *Ibidem*.

⁵⁰ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 14, п. 2, 2а.

Переговоры Титулеску в Париже содействовали ускорению нормализации отношений между Румынией и Советским Союзом. Румынский министр начал прямые переговоры с советским дипломатом М. И. Розенбергом об установлении дипломатических отношений. По словам Розенберга, Титулеску выразил приятное удивление, что такие правые деятели Франции, как Думерг, высказываются в пользу сближения с СССР⁵¹. В телеграмме М. М. Литвинову от 20 апреля 1934 г. Розенберг передал заявление Барту о том, что правительство уполномочило его продолжать переговоры о Восточном пакте, и подчеркнул, что Титулеску придает большое значение отношениям с СССР⁵².

Последовавшие в мае — начале июня переговоры между Румынией и СССР с участием Титулеску и Литвинова носили напряженный характер, так как румынский министр добивался от Советского Союза отказа от Бессарабии, на что Советское правительство не могло согласиться⁵³.

Установлению дипломатических отношений с СССР препятствовала и антисоветская политика правящих кругов Югославии. В Югославии находились крупные отряды белогвардейцев, а король Александр поддерживал всех заклятых врагов Советского Союза. Король доверительно говорил английскому посланнику в Белграде Н. Гендерсону, что «непосредственная опасность Югославии грозит со стороны Италии, после этого идет Германия, но величайшей угрозой из угроз является Россия»⁵⁴.

Экономическое сближение с Германией также оказало свое влияние на то, что Югославия не желала идти на признание Советского Союза. В целом Югославия в 1934 г. находилась преимущественно под французским влиянием, а в экономике страны и финансах ведущие позиции занимал англо-французский капитал. Возникновение Римского блока югославское правительство восприняло как попытку Италии окружить Югославию и укрепить свое влияние в Дунайском бассейне. Обострение итало-югославских отношений способствовало сближению Югославии с Германией. Германский посланник в Вене Рит докладывал министру иностранных дел Нейрату, что итальянское продвижение в Австрию и Венгрию вызывает тревогу у югославского правительства⁵⁵. Король Александр считал, что неизменной целью политики дуче является разрушение французской системы союзов и замена французского влияния итальянским. Французский посланник докладывал из Белграда Барту, что если Югославию поставить перед выбором между итальянской и германской «Миттельевропой», то

⁵¹ ДВП СССР, т. 17, с. 272.

⁵² Там же, с. 279—280.

⁵³ Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения. 1929—1934. М., 1971, с. 160.

⁵⁴ N. Genderson. Water under the Bridges. L., 1945, p. 183.

⁵⁵ DGFP, ser. C, vol. 2, N 316, p. 588.

она предпочтет Берлин»⁵⁶. Один из ведущих чиновников Форин Оффис О. Саржент в беседе с итальянским советником посольства в Лондоне Витетти указал на опасность того, что Югославия будет в ближайшие годы все больше и больше тяготеть к Германии⁵⁷. Английский посланник в Белграде Н. Гендерсон считал, что нет ни малейшей надежды на итало-югославское сближение, но зато вполне возможно, что «Югославия... окажется в руках Германии и Италия толкнет ее туда»⁵⁸.

Гитлеровская Германия стремилась ослабить и развалить Малую и Балканскую Антанты, усилив разногласия между Францией и ее союзниками. 9 марта 1934 г. Гитлер впервые принял югославского посланника в Берлине Балугджича, который высказался за создание «хорошей атмосферы» в германо-югославских отношениях. Лучшим путем к ней, по словам Балугджича, должны быть «связи в области торговой политики». Посланник подчеркнул, что в Белграде стремятся к «освобождению от связей с Францией». Гитлер заверил Балугджича, что «Германия не питает враждебности к Сербии», и выразил готовность закупать «сербские продукты», но в обмен на германские товары. Отметив, что реставрация Габсбургов «нежелательна» для Германии, Гитлер лживо заявил, что проблема аншлюса «не является актуальной»⁵⁹.

16 марта в Белград прибыла германская торговая делегация, которая начала вести переговоры о заключении германо-югославского торгового договора⁶⁰. Германия согласилась предоставить Югославии дополнительные контингенты по основным статьям югославского экспорта: меди, кукурузе, пшенице, конопле, скоту, табаку — с применением к ним предпочтительных пошлин⁶¹. 2 апреля 1934 г. в Югославию приехал «на пасхальные каникулы» руководитель германских штурмовиков Рем. Хотя МИД Югославии опроверг слухи об официальном характере визита Рема, в печати циркулировали слухи о том, что он имел поручение обсудить с югославским правительством ряд политических вопросов, возникших в связи с усилением итальянской активности в Югославии⁶². По сведениям французского посла в Берлине Франсуа Понсэ, визит Рема в Югославию был предпринят по инициативе шефа внешнеполитического бюро нацистской партии Розенберга⁶³.

5 апреля Балугджич имел беседу с одним из ответственных чиновников МИД Германии Кёпке. Посланник отметил рост анти-итальянских настроений в Югославии. Действия Италии в отношении Австрии Балугджич расценил как стремление к «окруже-

⁵⁶ DDF, ser. 1, t. 6, N 29, p. 71.

⁵⁷ DBFP, ser. 2, vol. 6, N 361, p. 571.

⁵⁸ *Ibid.*, N 331, p. 524.

⁵⁹ DGFP, ser. C, vol. 2, N 309, p. 578.

⁶⁰ «Известия», 1934, 17 марта.

⁶¹ «Правда», 1934, 19 марта.

⁶² «Правда», 1934, 3 апреля.

⁶³ DDF, ser. 1, t. 6, N 111, p. 292.

нию» Югославии. Посланник отметил также, что в последнее время в Белграде усилилось недоверие к Франции. «Франция думает только о себе и своей безопасности. Франко-итальянская близость... значительно подорвала в Белграде уважение к французской дружбе... Все это способствует... желанию развивать... более тесные отношения с Германией»⁶⁴.

19 апреля в Берлине было достигнуто соглашение о заключении торгового договора с Югославией. Германия соглашалась увеличить закупки югославских сельскохозяйственных продуктов, в частности ежегодные закупки кукурузы доводила до 30 тыс. т⁶⁵. 1 мая 1934 г. был подписан германо-югославский торговый договор. В статье советского журналиста Д. Гарда, опубликованной в московской газете «Журналь де Москву», подчеркивалось, что Германия намерена использовать торговый договор с Югославией для «расшатывания Малой Антанты»⁶⁶. Германская дипломатия считала, что договор позволит Германии, если потребуется, «оказать соответствующее давление на Югославию»⁶⁷. Французский посланник в Белграде отмечал, что договор создает «более благоприятную базу для германского влияния в Югославии», и указывал на «политические цели Вильгельмштрассе»⁶⁸.

Несмотря на попытки Германии усилить свои экономические и политические позиции в Югославии, внести раскол в Балканскую Антанту и оторвать Югославию от Франции, французское влияние в этой стране было все еще преобладающим, а король Александр проводил профранцузский курс. 26 апреля югославский посланник в Париже Спалайкович от имени короля заверил Барту, что «Югославия будет с Францией до тех пор, пока последняя этого хочет»⁶⁹. В беседе с английским посланником Гендерсоном в начале мая 1934 г. король Александр заверил его, что в «генеральной политике» Югославии ничто не изменилось. «Она базируется на Малой Антанте и на союзе с Францией»⁷⁰. Вместе с тем король подчеркнул, что «предупредительность Берлина» помогает ему противодействовать фашистской Италии. Объясняя причины, побудившие его заключить торговый договор с Германией, король указал на заинтересованность Югославии в рынке сбыта аграрных продуктов⁷¹. В мае 1934 г. король Александр вновь заявил, что он хорошо знает, к чему стремятся немцы, и отметил, что они никогда не добьются изменения генеральной политики Югославии. Она останется верна Франции и Малой Антанте. «Никогда, — уверял он, — я не сделаю то, что сделала Польша»⁷².

⁶⁴ DGFP, ser. C, vol. 3, N 381, p. 711.

⁶⁵ «Правда», 1934, 22 апреля.

⁶⁶ «Journal de Moscou», 16.V.1934.

⁶⁷ DGFP, ser. C, vol. 3, N 23, p. 54—55.

⁶⁸ DDF, ser. 1, t. 6, N 275, p. 595.

⁶⁹ *Ibid.*, N 141, p. 349.

⁷⁰ *Ibid.*, N 167, p. 404.

⁷¹ *Ibid.*, N 184, p. 434.

⁷² *Ibidem*.

С целью усиления германского влияния на Балканах в середине мая 1934 г. Югославию и Грецию посетил с «частным визитом» Геринг.

16 мая Геринг прибыл в Белград. Однако прием Геринга в Белграде не отличался особым радушием⁷³. Ему было отказано в аудиенции у короля и в свидании с премьером Узуновичем, зато находившиеся в Белграде одновременно с Герингом делегация парижского муниципалитета и Титулеску нашли теплый прием⁷⁴. Во время пребывания в Белграде Геринг пытался добиться от югославского правительства согласия на аншлюс Австрии, причем в качестве компенсации обещал отдать Югославии австрийскую Каринтию⁷⁵.

18 мая Геринг «инкогнито» приехал в Афины и нанес визиты президенту, премьер-министру и министру иностранных дел. Греция, находившаяся под экономическим и политическим влиянием западных держав, и прежде всего Англии, давно уже была объектом подрывной деятельности гитлеровцев. В начале 1934 г. стало известно, что в Греции ведут активную пропаганду германские нацисты во главе с неким Кунсдорфером. Немецкие научные учреждения в Афинах — так называемый археологический институт, германская миссия, школы — были наводнены нацистскими агентами. Центром пропаганды являлся немецкий клуб «Филадельфия»⁷⁶. Оставаясь в сфере влияния Лондона и Парижа, греческое правительство в начале 1934 г. начало секретные переговоры с германской фирмой «Рейнметалл-Борзиг» о получении кредита на закупку немецкого оружия в Германии. Германский МИД дал согласие на продажу Греции вооружения на сумму 75—100 млн. марок⁷⁷.

По сведениям греческой газеты «Элевтерон Вима», визит Геринга в Афины был связан с переговорами о возможности расширения автомобильной дороги из Германии до Стамбула и Индии⁷⁸. Геринг был награжден греческими орденами. Накануне отъезда Геринг заявил журналистам, что «успел» договориться с греческим правительством об интересующем обе страны сотрудничестве, и выразил надежду, что будут установлены более тесные связи между Грецией и Германией⁷⁹.

Германская экспансия на Балканах вызывала тревогу у Франции. Особенно беспокоили французское правительство маневры во внешней политике Румынии и Югославии. «Следует внимательно следить за Югославией, — писал в своих мемуарах Э. Эррио, —

⁷³ DGFP, ser. C, vol. 3, N 27, p. 68—70.

⁷⁴ «Известия», 1934, 20 мая.

⁷⁵ DDF, ser. 1, t. 6, N 275, p. 599.

⁷⁶ «Вечерняя Москва», 1934, 13 января.

⁷⁷ DGFP, ser. C, vol. 3, N 124, p. 253—255.

⁷⁸ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 14, п. 12а.

⁷⁹ «Le Temps», 25.V.1934.

которая, по мнению маршала Петэна, имеет тенденцию отойти от нас... и выходит из-под нашего влияния»⁸⁰. Рост германской угрозы и падение французского влияния в придунайских странах заставили Францию принять ряд мер по укреплению своих позиций в Юго-Восточной Европе. С целью подготовки почвы для заключения Восточного пакта и выяснения позиций Польши и Чехословакии Барту весной и летом 1934 г. совершил поездку по восточноевропейским странам.

В Варшаве Барту был встречен весьма прохладно. Пилсудский и министр иностранных дел Польши Бек отрицательно отнеслись к франко-советскому сближению, к Восточному пакту и вступлению СССР в Лигу наций⁸¹. С иным результатом вернулся Барту из Чехословакии. Барту убедился, что чехословацкое правительство в своей внешней политике неуклонно следует французской линии. Оно отнеслось к планам Барту положительно и согласилось поддержать их⁸². Французский посланник в Праге докладывал в Париж, что пребывание Барту в столице Чехословакии «было отмечено сердечным доверием»⁸³.

После визитов в Варшаву и Прагу Барту собирался начать переговоры с советскими представителями. Удобным поводом для встреч представителей стран, заинтересованных в Восточном пакте, была конференция по разоружению в мае 1934 г. в Женеве. Дипломаты Франции и Советского Союза неоднократно встречались и с представителями Малой и Балканской Антанты. Т. Рюштю-бей имел встречи с Барту и Думергом, во время которых обсуждалось положение в Европе и был положительно рассмотрен вопрос о вступлении СССР в Лигу наций⁸⁴. 31 мая в Женеве состоялось совещание министров иностранных дел стран Балканской Антанты. Титулеску и Ефтич обещали в скором времени ратифицировать Балканский пакт (это произошло 16 июня). Участники совещания выразили уверенность в том, что установление нормальных отношений между Малой Антантой и СССР является вопросом ближайшего времени⁸⁵.

Для участия Чехословакии в Восточном пакте необходимо было, чтобы Малая Антанта нормализовала свои отношения с СССР. Румыния не имела возражений против признания, но Югославия продолжала занимать враждебную Советскому Союзу позицию. 7 июня Литвинов телеграфировал из Женевы, что министры иностранных дел Румынии и Югославии сделали своим королям представление о восстановлении отношений с СССР. «Первый

⁸⁰ Э. Эррио. Из прошлого. М., 1960, с. 532.

⁸¹ J. Beck. Final Report. N. V., 1957, p. 55—56; *Diariusz i teki Jana Szembeka*, t. 1. L., 1964, p. 152—154.

⁸² Внешняя политика Чехословакии, с. 326.

⁸³ DDF, ser. 1, t. 6, N 151, p. 373.

⁸⁴ ОРФ ИИ АН СССР, архив газетных вырезок, 1934, д. 7, п. 1.

⁸⁵ "Dimineata", 31.V.1934.

получил положительный, а второй — отрицательный ответ»⁸⁶. Совет Малой Антанты решил предоставить своим членам свободу действий в признании Советского Союза. Положительно отнеслось к нормализации отношений между Малой Антантой и СССР и к проекту Восточного пакта турецкое правительство. Во время своего визита в Бухарест в мае 1934 г. Т. Рюшту-бей рекомендовал румынскому правительству сблизиться с СССР⁸⁷.

Турецкий министр даже предлагал объединить Восточный и Балканский пакты в один блок, направленный против Италии. Но Литвинов отрицательно отнесся к его плану, заявив, что захватнические планы Италии в Малой Азии являются «весьма отдаленной эвентуальностью» и главной задачей является «предотвращение германской опасности»⁸⁸.

Переговоры между Малой Антантой и СССР закончились 9 июня 1934 г. признанием де-юре Советского Союза Чехословакией и Румынией. Чехословацкое правительство сразу же сообщило, что оно принимает Восточный пакт и готово участвовать в нем⁸⁹. Югославское же правительство отказалось признать Советский Союз. М. М. Литвинов отмечал в июне 1934 г., что «Югославия не возобновила отношений по настоянию короля. Ефтич лично был склонен в Женеве обменяться письмами, но получил категорическое вето короля»⁹⁰. Французский поверенный в делах в СССР Пайяр в донесении Барту указывал на следующие причины отказа Югославии: ненависть королевского двора к Советской России; влияние белогвардейской эмиграции; «германские интриги» и экономическое давление на Югославию с целью развала Малой Антанты и утверждения Германии на Балканах⁹¹.

В Румынии установление нормальных отношений с СССР было по-разному воспринято различными группировками правящих кругов. Официальное сообщение подчеркивало, что король и правительство поддерживали действия Титулеску⁹². Румынское правительство рассчитывало использовать признание СССР для поднятия престижа двора и правящей либеральной партии в глазах румынского народа. Вместе с тем румынская буржуазная пресса пыталась создать впечатление, что установление дипломатических отношений с СССР означает косвенное признание Советским правительством захвата Румынией Бессарабии.

Австрийский посланник в Бухаресте Фолльгрубер докладывал в Вену 16 июня 1934 г., что румынская печать стремилась доказать «неоспоримость владения Румынией Бессарабией»⁹³. С резки-

⁸⁶ ДВП СССР, т. 17, № 190, с. 376.

⁸⁷ E. Sam p u s. *Intelegerea Balkanica*, p. 145.

⁸⁸ ДВП СССР, т. 17, с. 410.

⁸⁹ «Международная жизнь», 1963, № 6, с. 156.

⁹⁰ ДВП СССР, т. 1, с. 416.

⁹¹ DDF, ser. 1, t. 5, N 315, p. 655.

⁹² Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения, с. 166.

⁹³ ОРФ ИИ АН СССР, ф. Ж (документы из венских архивов), д. 64, л. 116.

ми нападениями на нормализацию советско-румынских отношений выступили крайне правые круги Румынии — лидер профашистской национал-аграрной партии О. Гога, антисемит и фашист А. Куза, руководитель либералов-диссидентов Г. Братиану. В выступлениях в румынском парламенте Куза и Братиану осудили признание де-юре СССР под тем предлогом, что Титулеску принял это решение без консультации с парламентом, не добившись признания Советским Союзом аннексии Бессарабии⁹⁴.

Установление дипломатических отношений между Румынией и СССР встретило благоприятный отклик у сторонников советско-французского сближения во Франции. В дополнение к Восточному пакту Барту выдвинул весной 1934 г. идею заключения Средиземноморского пакта. По мысли Барту, в состав участников пакта предполагалось включить Францию, Англию, Италию, Югославию, Грецию, Турцию, Румынию, Болгарию и СССР. Цель пакта заключалась в устранении возможности итальянской агрессии в районе Средиземного моря⁹⁵. При этом Барту рассматривал соглашение между Югославией и Италией как основу «Средиземноморского Локарно»⁹⁶.

13 июня 1934 г. Барту подробно информировал английского посла в Париже Клерка о проекте Средиземноморского пакта. По мысли Барту, следующим шагом после заключения Восточного пакта будет создание «Средиземноморского Локарно», в котором должна принять участие и Англия. Он подчеркнул, что «путь к такому пакту лежит через соглашение между Францией, Италией и Югославией». Сообщая о своих переговорах, Клерк указывал, что «Барту и его советники уделяют серьезное внимание предложению о Средиземноморском пакте, который должен включать в себя страны, не вошедшие в пакт Восточного Локарно, и таким образом дополнить европейскую систему безопасности»⁹⁷. Однако правительство Англии отнеслось к Восточному пакту и французским планам создания Средиземноморского пакта весьма прохладно. «Английское правительство всегда относилось к Восточному пакту недоброжелательно, — сообщал полпред СССР в Англии И. М. Майский. Пакт должен был упрочить международные позиции СССР, обезопасить его западную границу и облегчить положение на Дальнем Востоке. «Такой результат едва ли мог приводить в восторг английское правительство... Англия никогда не любила слишком сильной Франции... Восточный пакт, который должен был цементировать все французские связи на Востоке... способствовал бы росту французского международного могущества. Именно поэтому британская дипломатия не могла относиться с горячностью к Восточному пакту»⁹⁸.

⁹⁴ Там же, д. 64, л. 117.

⁹⁵ L. Deak. Balkanska dohoda a plan Dunajského paktu, str. 120—121.

⁹⁶ Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., с. 235.

⁹⁷ DBFP, ser. 2, vol. 5, N 458, p. 572—579.

⁹⁸ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. Подборка документов. — «Международная жизнь», 1963, № 6, с. 157.

Советское правительство не возражало против проекта Средиземноморского пакта, хотя и не считало его первоочередным. Во время беседы с польским министром Беком в Женеве в июне 1934 г. М. М. Литвинов указал на нависшую угрозу войны и подчеркнул, что «способом ее предотвращения» является «изоляция Германии и Японии». По мнению Литвинова, мир во всем мире можно было упрочить с помощью трех пактов: Восточного, Средиземноморского и Тихоокеанского⁹⁹. Как заявил Литвинов, Советское правительство было «против установления связи» между Средиземноморским и Восточным пактами¹⁰⁰. Отвечая на вопрос французского журналиста в июне 1934 г., М. М. Литвинов указал на отсутствие формальной связи между Балканским и Восточным пактами, но подчеркнул, что СССР находит нормальным заключение региональных пактов в других частях Европы и даже на других континентах¹⁰¹.

Ввиду того, что в Риме были встревожены слухами о подготовке Франции к созданию единого блока от Франции до Турции, направленного против Германии и Италии, Советское правительство стремилось предотвратить противодействие Италии Восточному пакту и не допустить итало-германского сближения. В июне 1934 г. Литвинов поручил полпреду в Риме В. П. Потемкину заверить Муссолини, что СССР не имеет никакого желания связывать Восточный пакт с Балканским, Средиземноморским и что СССР теперь интересуется в первую очередь гарантиями против германской агрессии¹⁰².

В конце июня 1934 г. Барту совершил поездку в Бухарест и Белград с целью подготовки почвы для создания Восточного и Средиземноморского пактов и укрепления связей Франции с Малой Антантой. Визит Барту в Бухарест был приурочен к сессии Малой Антанты, на которой рассматривалась возможность заключения двух пактов — Восточного и Средиземноморского¹⁰³. Польский посланник в Бухаресте Арцишевский докладывал 25 июня в Варшаву, что конференция Малой Антанты «подготовила атмосферу» для визита Барту. По сведениям Арцишевского, полученным от Титулеску, на конференции был рассмотрен вопрос о реставрации Габсбургов в Австрии. Малая Антанта предупредила Венгрию, что попытка реставрации вызовет мобилизацию в странах Малой Антанты¹⁰⁴. Что касается аншлюса, то, по мнению Титулеску, было «непонятно, почему Германия так агрессивно относится к последней сессии Малой Антанты, которая... во всех случаях действовала на руку Германии». Арцишевский считал, что

⁹⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. М., 1969, с. 199.

¹⁰⁰ ДВП СССР, т. 17, № 218, с. 410.

¹⁰¹ Там же, № 224, с. 431.

¹⁰² Там же, с. 228, с. 434.

¹⁰³ "Le Petite Parisienne", 21.VI.1934.

¹⁰⁴ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 4, л. 13.

упоминание австрийского вопроса в коммюнике Малой Антанты было сделано лишь по настоянию Барту¹⁰⁵.

На конференции был заслушан доклад Титулеску о положении в Балканской Антанте. Он сообщил, что Греция обещала Югославии «вооруженный нейтралитет» и обязалась защищать Салоники от итальянского десанта. Взамен Югославия ратифицировала Балканский пакт 16 июня 1934 г. Сессия Малой Антанты одобрила военную конвенцию между Югославией и Турцией, подписанную 5 июня 1934 г. Малая Антанта высказалась за сотрудничество с Польшей, и Титулеску просил предоставить ее участникам транзит оружия через Польшу в случае закрытия пути через Австрию, а польский дипломат поставил вопрос о транзите вооружения для Польши через Салоники¹⁰⁶.

Германский посланник в Румынии Шуленбург докладывал в Берлин 27 июня, что визит Барту в Бухарест «был превращен в демонстрацию румыно-французского союза»¹⁰⁷. В день приезда Барту встречали все члены правительства во главе с премьер-министром Г. Татареску, а также находившиеся в румынской столице Бенеш и Ефтич. В тот же день Барту присутствовал на вечере в МИД Румынии. В речах, которыми обменялись Барту и Титулеску, подчеркивалась дружба между Румынией и Францией¹⁰⁸. В нарушение норм церемониала король Кароль сам нанес визит во французское посольство. Барту получил титул почетного гражданина Румынии. Выступая на заседании парламента, Н. Титулеску заявил: «...если кто-нибудь попытается захватить хотя бы один квадратный сантиметр нашей территории, неизменным нашим ответом будет нет, нет, никогда!» В ответной речи Барту обещал Румынии «помощь и сердце Франции»¹⁰⁹.

На переговорах с Барту румынский премьер Татареску просил увеличить поставки в Румынию французских военных материалов. Барту заверил, что он готов рассмотреть и удовлетворить просьбу Румынии, если будет урегулирован вопрос с погашением румынских долгов¹¹⁰.

Во время встреч Барту с Титулеску, Бенешем и Ефтичем обсуждались и проблемы Восточного и Средиземноморского пактов. Титулеску заявил, что Румыния согласна вступить в Средиземноморский пакт¹¹¹. Барту и Титулеску достигли соглашения по следующим вопросам: подтверждение Локарнского пакта, заключение Восточного пакта с участием СССР, Чехословакии, Польши, Прибалтийских стран и Германии, а также Средиземноморского пак-

¹⁰⁵ Там же, л. 14.

¹⁰⁶ Там же, л. 12—14; К. Манчев. Взаимни задължения на държавите от Балканското съглашения и България. — «Векове», 1973, № 6, с. 35.

¹⁰⁷ DGFP, ser. C, vol. 3, p. 95.

¹⁰⁸ «Известия», 1934, 22 июня.

¹⁰⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 4, л. 6—16.

¹¹⁰ DDF, ser. 1, t. 6, N 366, p. 752—753.

¹¹¹ *Ibid.*, N 476, p. 984.

та¹¹². По полученным французским МИД сведениям, конференция Малой Антанты одобряла проект Средиземноморского пакта с участием Румынии, Югославии, Греции, Турции, Болгарии, Италии и Франции при условии согласия с пактом Англии¹¹³. Барту извещал французского посла в Мадриде Эрбетта, что «идея Средиземноморского пакта сделала прогресс в ходе последнего месяца» и «нашла горячего пропагандиста» в лице турецкого министра иностранных дел Т. Рюшту-бея. Отметив заинтересованность Франции в создании пакта, Барту подчеркнул, что «инициативу в его реализации должны взять на себя другие правительства»¹¹⁴.

Польский посланник докладывал Беку, что в Бухаресте Барту были оказаны «королевские почести», делалось все, чтобы продемонстрировать «верность Румынии своей защитнице Франции»¹¹⁵. По мнению Арцишевского, Титулеску с помощью Барту «хотел увеличить собственный престиж и свою независимость от короля», с которым у него существуют «сильные разногласия». Кароль II был недоволен, тем что «потерял первую роль в программе приема, занятую Титулеску, и это позволило Титулеску делать вид, что гарантом престижа Франции в Румынии является только Титулеску». Польский посланник пришел к выводу, что «триумф Барту» в Бухаресте увеличил престиж Франции и ослабил влияние Германии. «Вхождение в правительство открыто германофильских деятелей исключено. Даже смена правительства может лишь ослабить профранцузское давление, но не приведет к изменению политики»¹¹⁶.

Итоги визита Барту в Румынию приветствовались всей французской печатью и радио. Газеты выражали удовлетворение укреплением франко-румынской дружбы и общностью взглядов Франции и Малой Антанты. «Тан» в передовой статье писала, что «Малая Антанта становится первоклассной политической силой»¹¹⁷. В Германии же поездка Барту в Бухарест вызвала недовольство. Германский посланник в Бухаресте с раздражением констатировал, что «французское влияние в Румынии приобрело новую силу от визита Барту»¹¹⁸.

23 июня 1934 г. Барту на пароходе отбыл по Дунаю в Югославию для переговоров о Восточном пакте, а также зондирования почвы о возможности сближения между Югославией и Италией. Барту считал, что это сближение создаст основу для Средиземноморского пакта¹¹⁹.

Во время пребывания Барту в Белграде 24—25 июня югославские руководители не скупились на демонстрацию своей дружбы

¹¹² ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 4, л. 16; «Известия», 1934, 24 июня.

¹¹³ DDF, ser. 1, t. 6, N 371, p. 761.

¹¹⁴ Ibid., N 378, p. 742.

¹¹⁵ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 4, л. 6.

¹¹⁶ Там же, л. 8—9, 17—18.

¹¹⁷ «Le temps», 22. VI. 1934.

¹¹⁸ DGFP, ser. C, vol. 3, N 41, p. 95—96.

¹¹⁹ L. De ak. Balkanska dohoda a plan Dunajského paktu, str. 121.

к Франции, акцентируя внимание на стремление к ее укреплению. На заседании обеих палат югославского парламента председатель сената Томашич говорил о чувствах «благодарности и любви» к Франции, о готовности Югославии защищать свою свободу и целостность. Премьер-министр Узунович утверждал, что Франция и Югославия не допустят ревизии договоров. Со своей стороны, Барту заверял правительство Белграда, что он прибыл в Югославию как «друг и союзник». «Моя страна, — заявил он, — знает свои обязанности и выполнит их» ¹²⁰.

Югославское правительство благоприятно отнеслось к проекту «Восточного Локарно» ¹²¹. В заявлении югославского правительства после окончания визита прославлялось «братство по оружию» и выражалось полное согласие с политикой французских союзов с целью сохранения статус-кво ¹²². Германский посланник в Белграде Герен докладывал в Берлин, что «Югославия готова слепо следовать французской политике союзов» с целью сохранения статуса-кво, но возможность итало-французского соглашения была встречена в Белграде «с недоверием, а итало-югославское соглашение со скептицизмом» ¹²³. Не был решен и вопрос о нормализации отношений Югославии с Советским Союзом.

В беседе с французским посланником в Белграде 2 июля король Александр приветствовал приезд Барту и подчеркнул, что он «не сомневается в дружбе Франции». Он заявил, что поддержка Францией Версальской системы «имеет большое значение не только с точки зрения франко-румынских и франко-югославских отношений», но и с точки зрения «укрепления Малой и Балканской Антант» ¹²⁴. Король положительно отнесся к предстоящему вступлению СССР в Лигу наций и к франко-советскому сближению, но на вопрос Наджиара, намерена ли Югославия установить дипломатические отношения с СССР, ответил отрицательно. Он заявил, что «Прага и Бухарест больше заинтересованы в русских делах», чем Югославия, которой «не нужно спешить». Король обуславливал признание СССР получением от Советского правительства «дополнительных гарантий», в том числе отказа от требования положить конец поддержке белогвардейцев на территории Югославии. Наджиар пришел к выводу, что установления отношений с Советским Союзом «желает все население Югославии, но этому препятствует король, испытывающий ненависть к Советам» ¹²⁵. Отказываясь нормализовать дипломатические отношения с СССР, югославское правительство рассчитывало также оказать давление на переговоры Франции с Италией и обезопасить свои интересы.

¹²⁰ W. Balcerak. Wisitu min..., str. 130.

¹²¹ Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы, с. 236.

¹²² DGFP, ser. C, vol. 3, N 39, p. 93.

¹²³ Ibidem.

¹²⁴ DDF, ser. 1, t. 6, N 432, p. 878.

¹²⁵ DDF, t. 6, N 443, p. 913.

Для того чтобы добиться изменения недоброжелательного отношения Англии к Восточному пакту, Барту предпринял в начале июля 1934 г. визит в Лондон. Барту удалось получить формальное согласие Англии на проект Восточного пакта, угрожая возможностью заключения франко-советского союза. В действительности же английская «поддержка» была показной. В Лондоне вели двойную игру: внешне поддерживая проект Восточного пакта, британское правительство стремилось к сговору с гитлеровской Германией на антисоветской основе ¹²⁶.

Нацистский путч в Австрии 25 июля 1934 г. усилил опасность войны в Европе и показал необходимость быстрее создания системы коллективной безопасности. Противодействие Италии, Франции и Малой Антанты сорвало попытку аншлюса Австрии. Новым германским послом в Австрию был назначен Папен, на которого была возложена Гитлером задача подготовки аншлюса, установления контроля Германии над всей Юго-Восточной Европой и превращения ее в германский «хинтерланд» ¹²⁷.

Югославское правительство расценило австрийские события как стремление Италии укрепить свои позиции в Австрии. Концентрация итальянских войск на Бреннерском перевале вызвала тревогу в Югославии. Югославский посланник в Вене Настасьевич предупредил австрийское правительство и посланников Франции и Англии, что Югославия не оставит без ответа вторжение итальянских войск на австрийскую территорию ¹²⁸.

Во время нацистского путча в Австрии Югославия сконцентрировала свои войска на австрийской границе в качестве контрдемонстрации против передвижения итальянских войск на Бреннер ¹²⁹. В случае итальянской интервенции в Австрию Югославия угрожала оккупировать австрийскую Каринтию ¹³⁰. Позиция Югославии оказала воздействие на ее союзников по Малой Антанте, которые согласились с ее требованием предотвращения односторонних действий Италии.

После подавления путча несколько тысяч австрийских нацистов укрылись на территории Югославии ¹³¹. Из югославского порта Сушак 1 декабря в Германию вышли два корабля, на борту которых находилось около трех тысяч австрийских нацистов ¹³².

Обострение итало-югославских отношений и их переплетение с итало-германскими противоречиями осложнили обстановку в Центральной и Юго-Восточной Европе. Французское правительство было недовольно позицией Югославии и обострением итало-

¹²⁶ В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, с. 70.

¹²⁷ Нюрнбергский процесс, т. 2. М., 1958, с. 162.

¹²⁸ В. К. Волков. Германо-югославские отношения..., с. 53—54.

¹²⁹ «Правда», 1934, 29 июля; 2 июля; «Известия», 1934, 15 августа.

¹³⁰ «Правда», 1934, 3 августа.

¹³¹ ОРФ ИИ АН СССР, ф. Ж, д. 48, л. 1074—1075.

¹³² «Известия», 1934, 15 декабря.

югославских отношений, которые она стремилась сгладить. 10 августа 1934 г. французский посланник в Белграде вручил югославскому правительству резкий протест по поводу роли Югославии в путче австрийских нацистов. Посланник выразил недовольство тем, что Югославия не предупредила Францию о готовящемся в Австрии путче, о чем югославскому правительству якобы было известно¹³³. Итало-югославские противоречия затрудняли переговоры между Францией и Италией, развернувшиеся в августе — сентябре 1934 г., и умело использовались Германией.

Правительство Германии всячески оттягивало свой официальный ответ на предложение о заключении Восточного пакта и одновременно стремилось оказать давление на страны Малой Антанты¹³⁴.

Панская Польша тоже продолжала занимать враждебную Восточному пакту позицию. Стремясь осложнить переговоры, польские правящие круги подсказали Румынии идею добиваться присоединения к Восточному пакту¹³⁵. Румынское правительство ухватило за эту мысль. 23 июля 1934 г. Барту спросил советского полпреда в Париже, как бы отнесся СССР к присоединению Румынии к Восточному пакту. Барту было сказано, что «с включением Румынии пакт потерял бы характер регионального соглашения, что, вероятно, повлияло на позицию Англии и, наверное, восстановило бы Италию против пакта»¹³⁶.

26 июля М. М. Литвинов поручил советскому дипломату Розенбергу разъяснить Барту, что «СССР считает попытку Польши привлечь Румынию... трюком для саботирования пакта. За Румынией могут потянуться и другие государства и пакт может потерять характер регионального и обесцениться». Одновременно Литвинов просил сообщить о готовности СССР заключить дополнительно к Восточному пакту особый советско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают¹³⁷. Полпред в Париже 23 августа 1934 г. еще раз изложил точку зрения СССР зав. отделом МИД Франции Баржетону. Последний обещал оказать нажим на Титулеску в случае, если бы тот вернулся к предложению о включении в пакт Румынии¹³⁸.

Французское правительство оказало соответствующее давление на Титулеску, советуя ему не настаивать на участии Румынии в Восточном пакте¹³⁹. Твердая позиция Советского правительства и «советы» Барту и Бенеша оказали влияние на Титулеску¹⁴⁰. В беседе с советским торгпредом во Франции Остров-

¹³³ DBFP, ser. 2, vol. 12, p. 120—121.

¹³⁴ «Международная жизнь», 1963, № 6, с. 151.

¹³⁵ DBFP, ser. 2, vol. 12, p. 5—6; DDF, ser. 1, t. 6, N 444, p. 914—915.

¹³⁶ DDF, ser. 1, t. 6, N 444, p. 914—915.

¹³⁷ ДВП СССР, т. 17, № 271, с. 501—502.

¹³⁸ «Международная жизнь», 1963, № 6, с. 152.

¹³⁹ DDF, ser. 1, t. 6, N 444, p. 914.

¹⁴⁰ Ibid., N 476, p. 984—985.

ским он заявил, что не будет настаивать на участии Румынии в Восточном пакте, чтобы «не вносить новых осложнений» и «не вставлять лишних палок в колеса». Он высказался за «тройственную комбинацию с участием Румынии, СССР и Польши»¹⁴¹.

13—14 сентября 1934 г. в Женеве состоялись совещания министров иностранных дел стран Малой Антанты, участники которого высказались за скорейшее заключение Восточного пакта¹⁴². Совет Балканской Антанты 15 сентября опубликовал коммюнике, в котором заявлялось, что члены этого пакта будут голосовать за принятие Советского Союза в Лигу наций, и содержалось одобрение Восточного и Средиземноморского пактов¹⁴³. В интересах борьбы за коллективную безопасность Советское правительство решило вступить в Лигу наций. Инициативу Советского Союза поддержали 30 государств, которые обратились к СССР с предложением «вступить в Лигу наций и принести ей свое ценное сотрудничество». СССР вступил в Лигу наций 18 сентября 1934 г., заявив, что, несмотря на все ее недостатки, она может в какой-то мере помешать развязыванию войны¹⁴⁴.

Успехи внешней политики СССР были неоспоримы. Все большее значение в мировой политике приобретало советско-французское сближение. Главари гитлеровской Германии решили прибегнуть к террору, направленному против тех политических деятелей стран Запада, которые реалистически оценивали растущую опасность германской агрессии. Одной из первых жертв фашистского политического террора был Луи Барту. 9 октября 1934 г. Барту и югославский король Александр были убиты в Марселе. План убийства Барту был разработан Герингом, военной разведкой Канариса и санкционирован Гитлером. Его организация возлагалась на помощника немецкого военного атташе в Париже Ганса Шпейделя, а непосредственными исполнителями операции «Тевтонский меч» были члены террористической организации хорватских националистов — «ушати», находившиеся на службе у германских и итальянских фашистов¹⁴⁵.

Германская пресса не скрывала своего удовлетворения по поводу того, что марсельское убийство сорвало переговоры Югославии с Францией, которые должны были явиться важнейшим элементом предстоящих франко-итальянских переговоров. «Кёльнише цайтунг» указывала, что события в Марселе сорвут переговоры, началом которых должны были быть беседы короля Александра и Ефтича с французским правительством. Эти переговоры создали

¹⁴¹ ДВП СССР, т. 17, с. 580.

¹⁴² Сг. Popisteanu. Romania si Antanta..., p. 161.

¹⁴³ Е. Сатрус. Inteligerea Balkanica, p. 147.

¹⁴⁴ История второй мировой войны, т. 1, с. 289; ДВП СССР, т. 17, с. 589—590.

¹⁴⁵ История второй мировой войны, т. 1, с. 269; А. Торндайк, К. Радда. Операция «Тевтонский меч». М., 1966; В. К. Волков. Операция «Тевтонский меч». М., 1966.

бы основу для переговоров Барту с Муссолини о соглашении между Италией и Францией¹⁴⁶.

После убийства Барту пост министра иностранных дел Франции занял Лаваль, который был сторонником соглашения с гитлеровской Германией. В заявлении, сделанном представителям прессы, Лаваль уверял, что он намерен «продолжать дело организации мира, дело, которому с таким успехом посвятил себя Барту, что он будет укреплять союзные связи Франции. «Вслед за Барту и Эррио я... — сказал Лаваль, — буду работать в пользу франко-советского сближения. Смерть Барту не сможет изменить внешнюю политику Франции»¹⁴⁷. В беседе с М. М. Литвиновым в Женеве 21 ноября 1934 г. Лаваль повторил свое заявление о стремлении продолжать политику Барту по реализации Восточного пакта. Он не скрывал своего стремления добиться соглашения с Германией¹⁴⁸. По всем важнейшим внешнеполитическим вопросам Лаваль советовался с британским правительством, в частности с министром иностранных дел Саймоном. Переговоры с Советским Союзом и Италией были для Лавалья лишь обходным путем в поисках соглашения с гитлеровской Германией.

Таким образом, подписание Балканского пакта в феврале 1934 г. не устранило противоречий между его участниками, что проявилось в острой борьбе, развернувшейся вокруг его ратификации, особенно в Греции. Различное понимание и толкование взаимных обязательств, сформулированных в Балканском пакте и дополнительном протоколе к нему, вызывало разногласия, порождая недоверие между его членами.

В 1934 г. резко усилилась германская и итальянская экспансия в Дунайском бассейне и на Балканах, возросли реваншистские настроения в Венгрии и Болгарии. Страны Балканской Антанты, заинтересованные в сохранении границ, созданных Версальской системой, вынуждены были поддерживать советско-французское сближение, одобрить переговоры о Восточном и Средиземноморском пактах. Однако даже в этот период во внешней политике стран Балканской Антанты проявлялись центробежные и антисоветские тенденции, которые усилились после убийства Барту и прихода к руководству французской внешней политикой Лавалья, взявшего курс на сговор с Гитлером и Муссолини.

¹⁴⁶ "Kölnische Zeitung", 10. X. 1934.

¹⁴⁷ «Известия», 1934, 15 октября.

¹⁴⁸ ДВП СССР, т. 17, с. 683—684.